

Публикации

АНТИФОНТ

ВТОРАЯ ТЕТРАЛОГИЯ

Часть 1. Первая речь обвинителя

[1] Общепринятые решения в делах принимаются и законом, и псефизмой¹, имея силу для всего государства. Если же какой-либо вопрос является спорным, это предписывается решить вам, граждане судьи. Итак, я думаю, что не буду спорить с обвиняемым, ибо мой мальчик мгновенно умер, раненый в гимнасии этим юношей копьём в бок.

[2] В самом деле, я призываю казнить не по доброй воле, а вопреки ей. Я не менее охотно верю, что копьё попало в него случайно. Его, погибшего, уже ничто не тревожит, а живых – заботит. Я полагаю, что вы почувствуете сострадание к родителям, потерявшим детей, но сожалея о преждевременной смерти убитого, защитите их, так как закон запрещает не обращать внимания на убийцу, когда весь город осквернён им.

Часть 2. Первая речь обвиняемого

[1] Конечно, сейчас мне ясно, что такие несчастья и нужда заставляют и не любящих тяжбы людей обращаться в суд, и тихих людей становиться решительными, и в остальном говорить и поступать вопреки природе. Ибо я менее всего являюсь и желаю быть таким, даже если я немного преувеличиваю, по причине этого несчастья я вынужден нынче вопреки иному обыкновению говорить в защиту тех дел, ясность которых я с трудом осознал, а ещё в более трудном положении я нахожусь, так как должен вам объяснить это.

[2] Принуждаемый жестокой необходимостью, и сам взывая к вашему, граждане судьи, состраданию, прошу вас, если вам кажется, что я сказал более убедительно, чем обычно, чтобы вы, выслушав мою защитную речь, которую мне трудно произносить вследствие упомянутых несчастий, вынесли бы приговор исходя не из суждения, а из правды. Ибо суждение свойственно тем, кто способен говорить, а правда – тем, кто совершает справедливое и святое.

[3] Итак, воспитывая сына таким образом, что из этого общество извлекает большую пользу, я полагал, что это, по крайней мере, принесёт нам обоим какое-либо благо, но случившееся со мной совсем не совпадает с этим ожиданием. Ведь юноша² бросил копьё не из дерзости и не из своеволия, а упражняясь в гимнасии в метании с другими сверстниками, но он никого не убил в действительности. Но из-за того, что он попал, в то время как кто-то не другой не попал, он стал невольным виновником.

[4] Ибо если копьё, брошенное по направлению к мальчику, но за пределы его движения, ранило его, тогда не оставалось бы никаких сомнений, что он убийца. Но когда мальчик подбежал под удар копья и подставил тело, он помешал попасть в цель. Подставившись под копьё, он был поражён, и тем самым принёс нам вину, не являющейся нашей.

[5] Юноша несправедливо обвиняется, из-за того, что мальчик сам подбежал под копьё, ведь из тех, кто не попал в цель, он никого не поразил; если бы мальчик стоял, то тогда, как вам ясно, он не был бы поражён, а он добровольно подставился под бросок его копья. Ещё более явным становится то, что он погиб из-за своей собственной ошибки, ибо стоя на месте и не двигаясь, он не был бы поражен копьём.

[6] Так как убийство, совершённое одним из двоих, признаётся вами случайным, то убийца ещё более явно мог бы быть уличён по ошибке, которую допустил один из них. Ибо и совершающие ошибку, когда задумывают что-либо сделать, сами являются невольными виновниками, и добровольно что-либо делающие или испытывающие, сами становятся виновниками несчастий.

[7] Итак, юноша ни перед кем, ни в чём не виноват. Ибо он упражнялся, делая не то, что было запрещено, а то, что предписано, и бросал копьё не в числе упражняющихся, а в строю бросавших копьё, и, не попав в цель, он направил копьё в стоящих в стороне. Он случайно попал в мальчика, но сделав всё так, как намеревался, он ничего не сделал вопреки воле, а пострадал из-за того, что ему помешали попасть в цель.

[8] Мальчик, желая пробежать, неудачно выбрал место и время, в которое он, пробегая, не получил бы удар, и столкнулся с тем, чего не желал. Невольно же совершив ошибку, он на себя самого обратил собственные несчастья, наказанный за ошибку, опять же себя самого привлекает к ответственности, хотя мы не радуемся и не желаем этого, а сочувствуем и скорбим.

Так как ошибка пала на мальчика, то и дело является не нашим, а того, кто совершил ошибку, и несчастье, перейдя на совершившего её, нас освобождает от обвинения, а мальчика в то же время справедливо наказало за ошибку.

[9] Но и закон нас освобождает, согласно которому запрещается убивать ни умышленно, ни случайно, и который преследует меня³ как убийцу. Ведь ошибкой самого погибшего он освобождается, так как он не убивал даже случайно: а так как обвинитель не обвиняет в умышленном убийстве, он освобождается сразу от двух обвинений: и в том, что убил случайно, и в том, что убил умышленно.

[10] Он освобождается и действительностью, и законом, по которому обвиняется, и в силу обычаев несправедливо, что мы удостоились этих несчастий. Ведь и он будет безбожно страдать, терпя не относящиеся к нему ошибки, и я ничуть не меньше его, но подобно ему являясь невиновным, буду несчастнее его в несколько раз: ибо из-за его гибели буду продолжать невыносимый остаток жизни, и, оставшись без наследника, буду похоронен заживо.

[11] Итак, испытывая сострадание к незаслуженному несчастью этого юноши и к внезапному страданию моей старости и горя, осудив, не сделайте нас несчастными, но, оправдывая, исполните долг. Ведь и умерший, став жертвой несчастного случая, не является не отомщённым, и несправедливо, чтобы мы отвечали за чужие ошибки.

[12] Таким образом, так как это уже произошло, уважая и благочестие, и справедливость, благочестиво и справедливо освободите нас, и нас двоих самых несчастных, отца и сына, не подвергайте преждевременным страданиям.

Часть 3. Вторая речь обвинителя

[1] Так как эта нужда всех заставляет говорить и поступать вопреки природе, я полагаю, что этот человек даёт показания делом, а не словом. Ибо в прежние времена, менее всего являясь дерзким и смелым, теперь из-за этого несчастья он был вынужден говорить то, что он никогда бы, я полагаю, не сказал.

[2] Ведь я совершил глупость, так как не мог и подумать, что он произнесёт ответную речь. Иначе тогда я не лишил бы себя половины обвинения, произнеся одну речь вместо двух⁴. В этом случае и он, не осмелившись, не имел бы двойного преимущества, произнеся в свою защиту одну речь вместо другой, но обвинил в том, что сказал бездоказательно.

[3] Но намного превосходя нас в речи, в которой к тому же он сказал гораздо больше, чем в обвинительной речи, он нечестиво просит вас благосклонно выслушать его защиту. Я же, не сделав ничего дурного, обратившись делом, а не словом к вашему состраданию, прошу вас, судьи, карающие за нечестивые дела, но решающие по справедливости, чтобы вы, вопреки очевидным делам, убеждённые плохой тщательностью речи, не посчитали ложью правду о содеянном.

[4] Ведь ложь сочиняется более правдоподобной, чем более правдивой, а правда прозвучит скорее более искренне, чем более убедительно. Итак, полагаясь на правосудие, я пренебрегаю защитной речью, но, не доверяя жестокости судьбы, я боюсь, что я не только лишён общения с сыном, но и не увижу его убийцу осуждённым вами.

[5] Ведь он имеет такую дерзость и наглость, чтобы сказать, что тот, кто бросил копье и убил, не ранил и не убил. Он заявляет, что тот, кто не коснулся копья и не думал его бросить, совершенно ошибся с выбором места, а копье вонзилось в его бок, миновав все тела. Я же, добровольно доказывая, что он убил, думаю, что мог бы заслуживать большего доверия, чем тот, кто говорит, что юноша не бросил копье и не убил мальчика.

[6] Ведь именно в это время учитель гимнастики, который следил за бросившими копья, приказал мальчику поднять копье; из-за непослушания бросившего, он наткнулся на его роковое копье, сделал всё правильно, и трагически погиб. Но проявив небрежность в момент поднятия копья, он не помешал ему попасть в цель, но бросив в несчастную и причиняющую мне боль цель, убил не намеренно, но скорее по своей воле, или он и не бросил, и не убил.

[7] Убившие моего сына неумышленно ничем не лучше убивших намеренно; но вовсе отрицающие, что они его убили, они говорят, что не караются законом, который запрещает убивать как справедливо, так и несправедливо. Но кто он, бросивший копье? На кого падает убийство? На очевидцев или наставников, которых никто ни в чём не обвиняет? Ибо его смерть является для меня не скрытой, но даже слишком очевидной. Я же говорю, что закон правильно предписывает наказывать убийц: ведь справедливо, что и невольный убийца столкнулся с вынужденными страданиями, и убитый, не менее вынужденно, чем погубленный умышленно, терпел бы несправедливость, оставаясь неотомщённым.

[8] Но несправедливо избежать греха вследствие несчастного случая. Ведь если несчастье случается без божественного участия, то грех является для совершившего его справедливым несчастьем. Если же, с другой стороны, божественный позор падает на поступившего безбожно, несправедливо препятствовать божественной каре.

[9] Они же сказали, что не следует считать их, поступающих честно, достойными страданий. Но почему тогда мы могли бы испытывать подобное, когда, поступая несколько не хуже их, мы караемся смертью? Утверждая, что он невиновен, и считая, что несчастья свойственны совершившим преступления, а не перекладываются на невиновных, он говорит в нашу пользу. Ибо и мой мальчик, ни в чём ни перед кем не согрешив, убитый этим юношей, потерпел бы несправедливость, оставшись неотомщённым; и я, являясь ещё более невиновным, буду испытывать страдания, которые исходящий от вас закон мне не предписывает.

[10] Я докажу, что он не освобождается ни от ошибки, ни от случайного убийства, о которых они говорят, но что они виноваты в равной степени. Даже если мой мальчик подставился под бросок копья и не стоял неподвижно, то справедливо, что он является убийцей самого себя, а юноша свободен от вины, но только если он не бросал копье, а мальчик погиб, стоя на месте. Но так как по вине обоих произошло убийство, мальчик, совершивший ошибку в отношении самого себя, скорее себя и наказал за неё, ведь он погиб. Так разве может пособник и соучастник, оказавшийся в числе непричастных к ошибке, по справедливости остаться безнаказанным?

[11] Так как, судя по защитной речи, юноша является соучастником убийства, было бы несправедливо и неблагочестиво оправдать его. Ведь и мы, которые были погублены из-за их ошибки, подозреваемые в убийстве, претерпели бы от вас не справедливое, но несправедливое, и погубившие нас не исключаемые из числа виновников, не были оправдывались бы теми, кто освобождает безбожных. Поскольку весь позор за всех ложится на вас, вам в этом деле следует поступать с большой осторожностью, ибо осудив его и удержав от того, что закон запрещает, вы очиститесь от обвинений, но отпустив его, сами станете виновными.

[12] Итак, ради вашего благочестия и в соответствии с законами, предав суду, накажите его. Вы и сами не станете причастны к его преступлению, и нам, родителям, которые похоронены им заживо, своим решением в самом деле облегчите страдания.

Часть 4. Вторая речь обвиняемого

[1] Вероятно, что думая об обвинении со своей стороны, он не замечает моей защиты. Вам же следует знать следующее: мы полагаем, что каждый из тяжущихся, оценивая дело благосклонно, считает, что он естественно говорит правду, вы же должны рассматривать дело беспристрастно.

[2] Ибо в речах должна быть обнаружена истина об этом деле. А я, даже если сказал какую-либо ложь, признаю, что даже сказанное верно обличает несправедливое, а если я сказал правду, пусть не искусную, но суровую, то справедливо, что я не оратор, но труженик, стал объектом их ненависти.

[3] Я же хочу, чтобы вы, прежде всего, учли, что если кто-то скажет, что он не убивал, так и есть, но только если кто-то другой будет уличён. Но этот человек, соглашаясь с тем, что дело произошло так, как мы говорим, спорит относительно убийцы, которого невозможно установить иначе, чем исходя из случившегося.

[4] Он негодует, говоря, что его мальчик пользуется дурной славой, хотя, не бросив копье и даже не подумав бросить, обвиняется как убийца и не может защищаться против того, что говорят. Ведь я говорю, что мальчик не бросил копье и не ранил самого себя, но подставившись под удар копья, погублен не юношей, а самим собой, ибо погиб, не стоя на месте. Так как причиной смерти стало движение, то если он пробежал по зову учителя гимнастики, то учитель был бы его убийцей, а если подставился по собственной инициативе, то он погублен самим собой.

[5] Но я хочу приступить к другой речи не ранее, чем показать ещё более ясно, кто из этих двух является виновником. Юноша промахнулся мимо цели не более, чем кто-либо другой из тренирующихся, и ничего из того в чём он обвиняется, не было сделано вследствие его ошибки. И как становится ясно, мальчик не стоял вместе с наблюдавшими со стороны, но, случайно оказавшись на пути копья, он вследствие своей ошибки претерпел наибольшее несчастье из тех, кто стоял неподвижно. Ибо метавший копьё никоим образом не ошибся, если бы никто не бросился под оружие, а мальчик не был бы убит, оставаясь среди наблюдавших.

[6] Я докажу, что больше никто из тех, кто бросал копья вместе, не является убийцей. Ведь если мальчик погиб из-за того, что его поразили копьём, то вину разделили бы все тренирующиеся. Ведь они не пронзили его не из-за того, что не бросали, но вследствие того, что никто не подставился под копьё. Юноша же не ошибся нисколько не больше их, и подобно им, он не попал бы в мальчика, если бы тот стоял на месте рядом с наблюдающими.

[7] И это была не только ошибка мальчика, но и неосторожность. Как юноша мог бы быть осторожным, чтобы никого не поразить, если видел, что никто не пробегает? Видевший же бросающих копья без труда мог бы поостеречься, чтобы не перебежать, ведь у него была возможность стоять на месте.

[8] Следует озвучить закон, который нередко забывают. Ибо прямо и справедливо он карает невольных убийц невольными страданиями. Итак, юноша, будучи невиновным, может быть несправедливо наказан вместо виновного, ведь ему достаточно отвечать за свои собственные проступки, а мальчик, погубленный собственными ошибками, одновременно и ошибся, и самим собой наказан. Но если убийца наказан, убийство не является неотомщённым.

[9] В самом деле, так как убийца уже привлечён к суду, то если вы не освободите нас, но накажете, вы оставите это на своей совести. Ибо мальчик, сам отвечая за свои собственные ошибки, не оставит никому ничего, что взывало бы к мести, а если погибнет свободный от вины, то это останется на совести осуждающих тяжким бременем. Если сказанное обнаруживает убийцу, то не мы, произнося эту речь, являемся его виновниками, но само положение дел.

[10] Так как доказательства прямо показывают, что мальчик является убийцей, то закон, освобождая нас от вины, наказывает убийцу. Итак, не навлеките несчастья на нас, непричастных, и, помогая их⁵ несчастьям, не судите наперекор божественной воле, но совершенно благочестиво и справедливо, вспомнив несчастный случай, который произошёл по вине того, кто подставился под удар копья, оправдайте нас, поскольку мы не виновны в убийстве.

КОММЕНТАРИИ

1. Псефизма – решение народного собрания, которое принималось большинством голосов, вносилось в общественный архив и нередко вырезалось на меди или камне.
2. Здесь и далее под юношей понимается обвиняемый, а мальчиком называется тот, кто погиб.
3. Отец юноши отождествляет себя с обвиняемым, так как выступает от его лица и не отделяет свою судьбу от судьбы сына. Поэтому он употребляет выражения «нас освобождает закон», «преследует меня, как убийцу» и т. д. По той же причине отец погибшего мальчика использует «мы».
4. Имеется в виду лаконичность первой обвинительной речи.
5. Вероятно, имеются в виду мальчик и его отец.

Перевод с древнегреческого и комментарии
Е.О. Малютиной и А.Н. Маркина
Удмуртский государственный университет